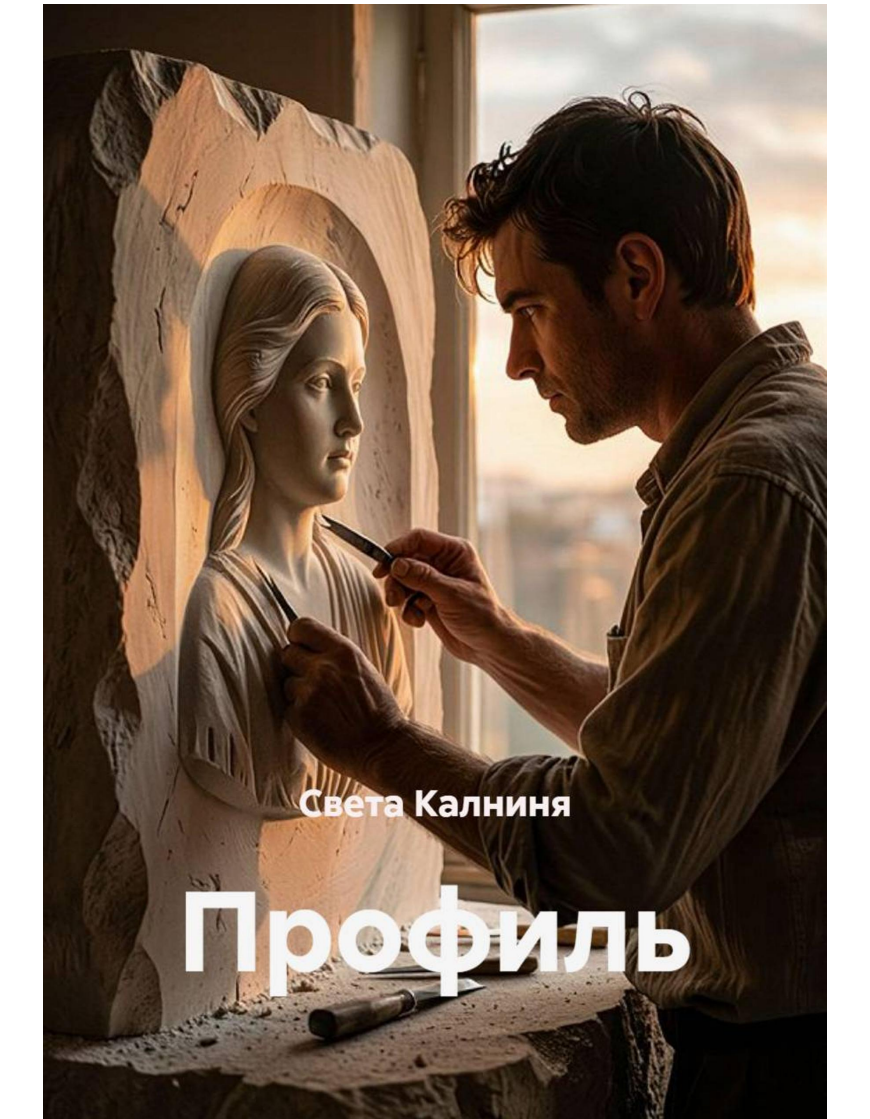

A man with dark hair and a beard, wearing a light-colored shirt, is shown in profile, focused on carving a stone bust of a woman. He is using two carving tools. The bust is set within a rough, rectangular stone block. The scene is lit by warm, golden light from a window in the background, which shows a blurred cityscape at sunset or sunrise. The overall mood is artistic and serene.

Света Калниня

Профиль

Света Калниня

Профиль

<https://litres.ru/74678238>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Профиль» — история о резчике Марселе, который в нарушение всех канонов высекает на камне портрет любимой девушки Лауры. Его работа становится не просто произведением искусства, а признанием, которое видит весь город. Столкнувшись с неприязнью властей и завистью соперника, Марсель решается защитить Лауру любой ценой. А спустя годы его плита у окна превращается в молчаливое хранилище чужих надежд и тайн — ведь камень, в отличие от слов, не забывает ничего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Света Калниня

Профиль

Глава 1

Город дышал тяжело, как старик, который слишком долго нёс на плечах чужие беды. Париж 1482 года не был ни добрым, ни злым — он просто был огромным, шумным и равнодушным. Улицы сплетались в тугие узлы, дома нависали над прохожими, будто хотели прижать их к земле, а воздух пах дымом, мокрым камнем и человеческой усталостью.

В самом сердце этого города, словно огромный окаменевший зверь, застыл собор. Его шпили царапали небо, витражи ловили свет и превращали его в цветное пламя, а горгульи скалились с карнизов, будто знали что-то такое, о чём людям лучше не слышать. Говорили, что собор помнит всё: клятвы и предательства, молитвы и проклятия, тихие признания и громкие казни. Он был не просто храмом — он был свидетелем, который никогда не расскажет, но и никогда не забудет.

На площади перед собором кипела жизнь, похожая на бурлящий котёл. Торговцы выкрикивали названия товаров так, будто продавали не хлеб и ленты, а саму надежду. Нищие тянули руки, их глаза были полны древней, терпеливой мольбы. Дети бегали между ногами взрослых, смеясь так

громко, словно хотели заглушить этот город хотя бы на мгновение. А в стороне, у самой стены собора, стоял человек, который не кричал, не просил и не бегал. Он просто смотрел — и в этом взгляде было столько боли и восторга, что казалось, будто он пытается впитать собор целиком, чтобы потом носить его внутри себя.

Это был Марсель, молодой резчик по камню, едва перешагнувший порог двадцати лет. Его руки были в мелких порезах и шрамах — следах знакомства с неподатливым камнем, а глаза — в вечной попытке разглядеть в грубой глыбе ту форму, что пряталась внутри. Он пришёл сюда не молиться и не торговать. Он пришёл слушать.

— Ты опять стоишь тут, как зачарованный, — раздался рядом хрипловатый голос.

Марсель обернулся. Рядом стоял старый мастер Гийом, его учитель, человек, чьи пальцы давно утратили прежнюю ловкость, но чей взгляд по-прежнему видел в камне то, чего другие не замечали.

— Я слушаю собор, — тихо ответил Марсель. — Говорят, если стоять очень тихо, можно услышать, как он дышит.

Гийом хмыкнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Собор не дышит, мальчик. Он помнит. И если ты будешь стоять тут достаточно долго, он начнёт рассказывать тебе свои истории. Только не все из них хочется услышать.

Марсель хотел спросить, что имеет в виду старый мастер,

но в этот момент площадь взорвалась новым шумом. Толпа качнулась, расступилась, и в образовавшемся просвете появилась она.

Она шла так, будто не замечала ни толпы, ни криков, ни взглядов, которые прилипали к ней, как липкая паутина. На ней было простое платье, но двигалась она с той свободой, которая бывает только у людей, привыкших к ветру и дороге. Её волосы, тёмные и густые, падали на плечи тяжёлыми волнами, а в глазах было что-то такое, что заставляло людей замолкать на полуслове.

Её звали Лаура. Она была из табора, который остановился на окраине города, и для большинства парижан она была «чужой» — той, кого можно разглядывать, о ком можно шептаться, но к кому нельзя подходить слишком близко. Но Марсель не думал о том, кто она и откуда. В тот миг, когда она появилась, весь город будто съёжился до размеров одной фигуры на ступенях, до одного поворота головы, до одного луча, упавшего на её профиль. Ему вдруг показалось, что все каменные лица, которых он вырезал по приказу мастеров, были лишь слабыми попытками угадать эту линию — изгиб её шеи, лёгкую тень над верхней губой, упрямую мягкость подбородка. Словно он годами искал форму, не зная, что она уже существует, живая и тёплая.

Лаура остановилась у ступеней собора, подняла голову и посмотрела на горгулий. На её лице мелькнула лёгкая улыбка — не насмешливая, а будто понимающая. Казалось, она

разговаривала с этими каменными чудовищами на каком-то своём, тайном языке.

— Кто она? — спросил Марсель, не сводя с неё глаз. Голос его прозвучал хрипло, будто слова царапали горло, пока шли от сердца к языку.

Гийом вздохнул, словно знал, что этот вопрос когда-нибудь прозвучит, и он ему не понравится.

— Та, которую лучше не замечать, если хочешь спокойно дожить до старости, — проворчал он. — В этом городе чужаков не любят, а красивых чужанок — тем более.

Но Марсель уже не слушал. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один. Толпа снова качнулась, и на мгновение он оказался рядом с Лаурой. Она повернула голову, и их взгляды встретились. В её глазах он увидел не удивление, а что-то вроде узнавания — будто она ждала именно его среди всей этой суеты. И в этот миг ему стало ясно: он полюбил её не потому, что она была прекрасна, а потому, что в её взгляде мир наконец-то обрёл смысл.

— Ты смотришь на меня так, будто хочешь высечь мой портрет из камня, — сказала она тихо, почти шёпотом, но её голос прозвучал ясно, как удар колокола в тишине.

Марсель покраснел, сам не зная почему. Ему хотелось сказать что-то значительное, достойное этого мгновения, но слова рассыпались, как песок между пальцами.

— Может быть, — признался он. — Я резчик. И мне кажется, что в каждом человеке есть своя форма, которую нуж-

но найти. Но я боюсь, что камень слишком груб, чтобы передать... тебя.

Лаура улыбнулась — на этот раз по-настоящему, широко, так, что её улыбка осветила всё вокруг, словно солнце прорвалось сквозь тучи.

— Тогда не высекай, — сказала она. — Просто запомни. Пусть это живёт не в камне, а в тебе.

И прежде чем Марсель успел что-то ответить, она скользнула сквозь толпу и исчезла, оставив после себя только лёгкий запах трав и ветра.

Он стоял, глядя туда, где она только что была, и чувствовал, как что-то внутри него сдвигается с места, как будто камень, который он носил в груди, наконец-то поддался резцу. Любовь пришла не как тихий свет, а как удар — внезапный, оглушающий, переворачивающий всё. И теперь он знал: даже если ему никогда больше не удастся увидеть её, он будет искать её черты в каждом изгибе камня, в каждой тени на стене, в каждом отблеске света на витражах.

Гийом положил ему руку на плечо.

— Вижу, собор уже начал рассказывать тебе свою историю, — сказал он с грустной усмешкой. — И боюсь, она будет не из лёгких.

Глава 2

Дни потянулись странно: будто город остался прежним, а Марсель — нет. Он ходил по знакомым улицам и видел их заново — через призму того мгновения у ступеней собора. Каждый острый угол дома напоминал ему линию её подбородка, каждый луч, падающий сквозь витражи, — блеск в её глазах. Даже камень, который раньше был для него просто неподатливым материалом, теперь казался чем-то вроде письма, написанного на забытом языке: в его прожилках чудились намёки на её профиль, в шероховатостях — отголоски её голоса.

Мастер Гийом замечал эту перемену и хмурился всё чаще. — Ты смотришь на глыбу так, будто ждёшь, что она заговорит, — бурчал он однажды, когда Марсель слишком долго стоял над заготовкой для капители, не решаясь взяться за резец. — Камень не рассказывает историй. Он только хранит. Если ты не скажешь ему, что делать, он так и останется камнем.

Марсель кивнул, но не ответил. Слова казались ему сейчас слишком тяжёлыми, слишком грубыми для того, что жило внутри. Он боялся, что если произнесёт вслух хоть часть этого чувства, оно станет плоским, как барельеф, лишённый объёма.

А потом, на третий день, когда солнце уже клонилось к

закату и площадь перед собором начала пустеть, он снова увидел её.

Лаура стояла у боковой стены, там, где тень от башен ложилась особенно густо, и будто сливалась с ней. В руках она держала маленький букетик полевых цветов — таких простых, что они казались почти незаметными, но в её пальцах они светились, как драгоценные камни. Она не смотрела на собор, не оглядывалась на прохожих. Она ждала.

Сердце Марсея подпрыгнуло и тут же замерло, как испуганная птица, которая не знает, лететь ли ей навстречу или спрятаться. Он сделал несколько шагов, стараясь ступать бесшумно, чтобы не спугнуть этот миг, как спугивают бабочку резким движением.

— Я думал, ты исчезла, — сказал он, подойдя ближе. Голос его прозвучал хрипло, будто он долго молчал и теперь заново учился говорить.

Лаура улыбнулась, но улыбка вышла грустной, словно ей было жаль, что он так долго ждал.

— В этом городе легко стать невидимкой, — тихо ответила она. — Особенно если ты не из тех, кого хотят замечать.

Он хотел сказать, что заметил бы её даже в полной темноте, даже если бы весь мир растворился в сером тумане. Но вместо этого спросил:

— Почему ты здесь?

— Потому что ты смотрел на меня так, будто видишь меня настоящую, — просто сказала она. — Не ту, о которой шеп-

чутся на углях. Не ту, которую боятся или хотят приручить. А меня. И мне захотелось узнать, сможешь ли ты удержать этот взгляд, когда вокруг начнут кричать.

Её слова обожгли и одновременно согрели его. Он вдруг понял, что любовь — это не только восторг, но и ответственность: способность не отвести глаз, когда другие будут тыкать пальцами.

— Смогу, — твёрдо сказал он, хотя сам не знал, хватит ли ему сил. — Я обещаю.

Лаура покачала головой, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на нежность пополам с печалью.

— Не обещай того, чего не можешь контролировать, — мягко сказала она. — Этот город решает, кого видеть, а кого нет. И он не любит, когда кто-то нарушает правила.

Но Марсель уже не мог отступить.

— Тогда я буду нарушать, — упрямо произнёс он. — Пусть смотрят. Пусть шепчутся. Я хочу вырезать твой образ. Не для собора, не для чужих глаз — для себя. Чтобы, когда тебя не будет рядом, я мог коснуться камня и почувствовать, что ты где-то близко.

Лаура посмотрела на него долго, внимательно, будто пыталась прочесть в его лице что-то важное, что нельзя выразить словами. Потом протянула ему тот самый букетик.

— Если будешь резать камень ради этого, — сказала она, — пусть первым будет не мой портрет. Пусть будет цветок. Вот такой. Простой, полевой. Пусть он скажет то, что ты пока

не можешь высечь в лице.

Она повернулась и пошла прочь, легко и бесшумно, как тень, скользящая по мостовой. Но на этот раз Марсель не чувствовал, что она исчезает навсегда. В его руке лежал букетик, и его запах — свежий, травянистый, живой — был доказательством того, что всё это было на самом деле.

Вернувшись в мастерскую, он не стал браться за капитель. Вместо этого он выбрал небольшой кусок известняка — не такой благородный, как мрамор, но податливый, тёплый на ощупь. И начал с цветка.

Резец скользил по поверхности, снимая слой за слоем, и с каждым движением Марсель чувствовал, как его собственные сомнения становятся тоньше, почти прозрачными. Он не думал о правилах композиции, о канонах, которым его учили. Он думал только о том, как ветер трепал лепестки в руках Лауры, как они слегка склонялись под собственной тяжестью, как свет играл на их изгибах.

Когда Гийом подошёл и посмотрел на то, что получалось, он долго молчал. Потом тихо спросил:

— Это для неё?

Марсель не стал притворяться, что не понимает.

— Да, — ответил он. — Это начало.

Старый мастер вздохнул, но в этот раз в его вздохе не было раздражения.

— Камень помнит многое, — сказал он. — И он умеет хранить секреты. Но помни: если ты решишь вырезать не

только цветок, но и её лицо, люди заметят. И тогда тебе придётся защищать не только камень, но и то, что за ним стоит.

Марсель кивнул. Он понимал. И всё равно не собирался останавливаться.

Глава 3

С того дня, как Марсель начал вырезать цветок, всё в мастерской будто сдвинулось на полтона. Даже запах пыли стал другим — не затхлым, а будто в него подмешали ветер с площади. Камень, который раньше казался ему упрямым и глухим, теперь будто подсказывал, где надо снять чуть тоньше, где оставить шероховатость, чтобы тень легла так, как ложится на лепестки от лёгкого сквозняка.

Но именно это и пугало.

— Ты опять не по правилам делаешь, — проворчал Гийом, склоняясь над заготовкой для новой капители. — Смотри: тут должен быть чёткий ритм завитков. А у тебя они будто пляшут.

Марсель провёл пальцем по краю резца, не поднимая глаз. Он знал, что Гийом прав — по меркам мастерской, по меркам всех старых образцов, висящих в альбоме мастера, его линии были «неправильными». Но эти неправильные линии вдруг казались ему единственно верными.

— Я не хочу, чтобы они стояли по струнке, — тихо сказал Марсель. — Я хочу, чтобы было видно, как они гнутся от ветра.

Гийом хмыкнул, но в этот раз в его хмыканье не было обычной твёрдости.

— Ветер — это хорошо, — буркнул он. — Но собор не

про ветер. Собор про порядок. Про то, как человек укрощает хаос камня. Если каждый начнёт резать так, будто камень сам шепчет ему узоры, у нас вместо храма получится лес.

Марсель стиснул зубы. Ему хотелось возразить, но слова застревали в горле, потому что он и сам не до конца понимал, как объяснить то, что с ним происходит. Раньше он гордился тем, что умеет точно повторить образец. Теперь ему становилось тесно в этих образцах, как в старой одежде, из которой он вырос.

Он вернулся к своему небольшому известняку, к цветку. Тот уже не был просто наброском: лепестки начали жить, каждый по-своему. Один чуть опущен, будто устал; другой тянется вверх, как хочет верить в солнце. И в этой несимметричности Марселю виделось больше правды, чем в любой идеальной спирали из альбома мастера.

— Ты всё ещё над этим сидишь? — спросил Гийом чуть позже, когда солнце уже косо падало в окна мастерской, вытягивая длинные тени. — Пора бы взяться за настоящую работу. Капитель не вырежется сама.

— Пусть не вырежется, — вдруг резко ответил Марсель и тут же испугался собственной дерзости. Но отступить было поздно. — Пусть останется незавершённой. Я не могу сейчас резать по шаблону.

Гийом посмотрел на него долго, внимательно, будто видел не ученика, а кого-то незнакомого.

— Это из-за неё, да? — спросил он наконец, кивнув в сто-

рону цветка. — Из-за той девушки.

Марсель хотел солгать, сказать, что дело не в этом, что он просто ищет новый приём. Но ложь рассыпалась, не успев сложиться.

— Да, — признался он. — Из-за неё. Но не так, как ты думаешь. Не потому что я хочу сделать ей подарок. А потому что... когда я думаю о ней, мир перестаёт быть ровным. В нём появляются изгибы, которые нельзя вписать в сетку. И если я буду резать по сетке, я вырежу не правду, а обман.

Гийом не стал ругать его. Вместо этого он подошёл ближе, взял заготовку, повертел в руках, прищурился.

— Знаешь, — медленно произнёс он, — когда я был моложе, мне тоже казалось, что правила — это цепи. А потом понял: правила — это костыли. Они нужны, чтобы ты не упал, пока учишься стоять. Но если ты уже стоишь, костыли можно отложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.